

© 1998 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

ПАРАДИГМА РЕГУЛЯРНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ ГЛАГОЛОВ ЗВУКА*

1. РЕГУЛЯРНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ И ПАРАДИГМА ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

Как известно, омонимия – явление в языке достаточно редкое, в то время как полисемия, т.е. многозначность, в том числе, регулярная многозначность [Апресян 1974] – это норма: регулярная многозначность в природе языка.

Мы исходим из того, что в основе регулярной многозначности лежит семантическая деривация (см. о связи многозначности со словообразованием и о возникающем на этой основе понятии семантической деривации в [Шмелев 1964: 56; 1968: 104–110; Апресян 1974: 187–193]). Семантические отношения между значениями многозначного слова могут рассматриваться как производность, которая лишь формально отличается от обычной лексической деривации, словообразования: семантическая деривация не требует формальных показателей. В самом деле, одно и то же семантическое соотношение может быть в одном языке словообразованием (ср. *Я открыл дверь и Дверь открылась*), а в другом – семантической деривацией (ср. *I opened the door и The door opened*).

Так же как словообразование, семантическая деривация имеет направление. Поэтому из двух значений слова с регулярной многозначностью одно является семантическим дериватом другого (или же оба они производны от какого-то третьего). Можно думать, что разных семантических типов производности не так много, так что все разнообразие значений слова создается действием относительно небольшого числа семантических переходов, затрагивающих не отдельные слова, а достаточно крупные классы. В основном, это разные варианты метонимических и метафорических переносов (о других семантических процессах, порождающих регулярную полисемию, см. [Апресян 1974: 191]).

Разные значения слова, в том числе, такие, которые являются следствием регулярной многозначности, были названы в [Мельчук 1974] лексемами. В словаре [Мельчук, Жолковский 1984] лексемам, фактически, соответствуют отдельные словарные статьи. Разные лексемы одного слова иногда отличаются друг от друга очень незначительно, причем видно, что сдвиг значения обусловлен контекстом. Тем не менее, в рамках современной семантической техники, чтобы в словаре можно было сказать о значении слова что-то определенное, деление на лексемы надо произвести.

Расчленение на лексемы ведет к разрушению единства слова, усугубляя тот «списковый» подход к значению слова, который принят в современных толковых словарях. Выявление инвариантного компонента значения возможно только в случае радиальной полисемии (см. о трех топологических типах многозначности в [Апресян 1974: 182]). Мы предлагаем иной путь к восстановлению единства слова – через инвентаризацию регулярных типов семантической деривации. Речь идет о том, чтобы

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного фонда INTAS, проект 96-0085.

получать толкование производных лексем из толкования более исходной по единому правилу, общему для слов одного семантического класса.

В более слабой форме можно говорить об иерархической структуре на множестве значений, из которой бы выяснялись внутренние связи между значениями [Апресян 1997]. В идеале, однако, нужны не просто связи между значениями, но и общность семантических соотношений, связывающих однотипные семантические дериваты от разных исходных лексем – нужны модели семантической деривации¹.

Задача работы – показать, что совокупность значений обычного, неомонимичного слова, в принципе, можно представить как парадигму лексем, связанных семантической деривацией. Это будет парадигма семантической деривации, иначе – парадигма регулярной многозначности слова. Тем самым совокупность значений слова предстанет как единая структура – такая же, как парадигма грамматических форм у слова заданной части речи или грамматического разряда [Зализняк 1964: 33]. Лексемы в пределах одной парадигмы связаны друг с другом определенными соотношениями, которые одинаковы для всех слов одного семантического класса – так же, как одинаковы соотношения в парадигме грамматических форм для слов одного грамматического разряда. Как правило, одна из лексем в парадигме является исходной, к о р н е в о й².

Разумеется, для того, чтобы имело смысл говорить о парадигме, процессы семантической деривации должны обладать определенной степенью продуктивности. Мы рассмотрим в качестве примера класс слов, для которого это условие соблюдается.

Работа посвящена трактовке регулярной многозначности в системе «Лексикограф» – семантическом словаре, представленном в форме лексической базы данных [Кустова, Падучева 1994]. Ниже речь идет о словаре глаголов.

В лексической базе данных содержится, в частности, следующая информация о глагольной лексеме.

I. Т е м а т и ч е с к и й к л а с с (иначе – семантическое поле), объединяющий слова с общим семантическим компонентом, который занимает центральное место в их смысловой структуре. Различаются, например: бытийные глаголы; глаголы обладания; физического действия, движения, речи и передачи сообщения, восприятия, мысли, чувства, издавания звука; и многие другие. Тематический класс часто имеет свои характерные проявления в синтаксисе. Так, у глагола передачи сообщения обязательно имеется Адресат; у глагола создания – Результат; у глагола движения обычно есть участник, характеризующий среду, ср. *плывет по реке*.

II. Т а к с о н о м и ч е с к а я (иначе – онтологическая) к а т е г о р и я; различаются, в частности: действие (*открыть*), деятельность (*гулять, прыгать*), процесс (*кипеть*), состояние (*голодать*), происшествие (*испугать, взбесить*) и под. Таксономическая категория (Т-категория) глагола определяет его схему (или формат) толкования [Кустова, Падучева 1994]. Например, для лексемы со значением происшествия (*Меня разбудил звонок в дверь*) схема толкования такова: произошло событие X; это вызвало наступление события/состояния Y. Для дальнейшего нам понадобится Т-категория «процесс-каузация» (как у *звенеть* в контексте *Кони звенят уздечками*); формат толкования – как у глаголов происшествия, но каузация имеет как бы иной аспект-альный тип: это длящееся воздействие, которое дает, соответственно, длящийся эффект.

¹ В [Mel'chuk 1988] выдвигается идея «семантических мостов» – общих нетривиальных семантических компонентов разных лексем одной «вокабулы». Мост более реалистичен, чем инвариант, поскольку возможен и в случае «фамильного сходства» между лексемами слова. Однако мост не решает проблемы, поскольку сохраняет идею уникальности семантических связей, на которых построено значение слова.

² Похожая программа семантического анализа лексики была намечена в [Шмелев 1973], где речь шла о необходимости восстановления единства слова; о связях между значениями; об исходном (первом) и производных значениях. Метонимия и метафора представлены в этой работе как «обобщенные формулы семантической структуры слова».

III. Обязательные участники и описываемой глаголом ситуации. Толкование описывает набор обязательных участников ситуации и их роли. В отличие от толкований в [Мельчук, Жолковский 1984; Апресян 1974], наше толкование состоит из отдельных синтаксически независимых компонентов. Компонент обычно описывает роль в ситуации одного из ее участников. В толковании отражена также коммуникативная структура значения – в ситуации различается передний план и периферия (соответственно, бывают центральные и периферийные участники; им соответствуют центральные и периферийные компоненты толкования). Две лексемы могут различаться по смыслу только тем, что некий семантический компонент у одной из них находится в центре на переднем плане, а у другой уходит на периферию, в фон. Это различие может выражаться синтаксисом. Например, в сочетании *бросать камни* участник *камни* на переднем плане – Объект, и соответствующий ему компонент центральный в толковании; а в *бросать камнями* этот участник периферийный. Мы апеллируем к понятию *д и а т е з ы* из [Мельчук, Холодович 1970], но определяем диатезу несколько иначе – как набор участников ситуации с их коммуникативными рангами: Субъект, Объект, Периферия, За кадром, см. об этом подробно [Падучева 1997]. (Дело в том, что Субъект и Объект, будучи синтаксическими категориями, имеют, однако, непосредственную коммуникативную значимость; термин «периферия» построен на ассоциации с периферийными падежами по Якобсону.) Итак, третий тип сведений о лексеме – диатеза.

IV. Таксономические и другие семантико-прагматические характеристики (денотативный статус, определенность и проч.) участника тоже прямым образом влияют на значение глагола: идентификация значения лексемы опирается на категоризацию ее актантов. Так, у многих глаголов есть два значения, которые различаются таксономической категорией Субъекта; например, глаголы *стучать*, *разрушать*, *разбудить* в контексте Субъекта-лица обозначают действие, направленное на достижение определенной цели; а если Субъект – природная сила или событие, эти глаголы обозначают процесс/происшествие, ср. *Человек / дождь стучит в окно*; *Человек / река разрушает мост*; *Отец / шум в коридоре разбудил ребенка*. Важная для нас Т-категория имен – устройство, предназначенное для выполнения какой-то функции; так, *звенеть* в *Звенит звонок* (звонок – устройство) имеет иное значение, чем в *Звенят цикады*. И дериваты их тоже разные, ср. *Прозвенел звонок*, но **Прозвенели цикады*. Разновидность устройств – транспортные средства (*поезд*, *машина*, *телега* и под.): будучи вполне неодушевленными, они перемещаются подобно людям (разве что не способны пользоваться транспортным средством), ср. *машина ехала*, *повернула*, *замедлила ход*, *остановилась*, и т.д.

Толкование должно показать, как смысл данной лексемы соединяется со смыслом других лексем в предложении, в частности, смысл глагола – со смыслом подчиненных ему слов. Обязательным участникам соответствуют переменные толкования [Апресян 1974: 42]. Но в ситуации могут быть, помимо обязательных участников, факультативные. При разных значениях слова допустимые типы факультативных участников различны, и толкование должно предсказывать возможность соединения слова с тем или иным факультативным участником. Например, сочетаемость глагола с обстоятельством причины обычно считается свободной. Между тем, исследования последних лет [Иорданская, Мельчук 1996] показали, что и семантика причинных союзов и сочетаемость глагола с обстоятельством причины зависят от противопоставления «контролируемая vs. неконтролируемая каузация». Так, действие каузируется мотивом, а происшествие – причиной: *от* чего-то нечто может иметь место (*скрежетал зубами от боли*), но не быть сделанным.

Свободная, т.е. независимая от словаря, сочетаемость – это, возможно, фикция. Скажем, сочетаемость глагола с обстоятельством места отнюдь не свободна. Так, можно сказать *Откуда-то сверху гудит колокол*, но не **Откуда-то сверху горит огонь* (хотя и *гудеть* и *гореть* – процессы): *гудеть* совместимо с участником Исходный

пункт, а *гореть* – нет. Дело в том, что гул/гудение воспринимается слухом, а огонь – зрением; звуковое восприятие концептуализуется таким образом, что звук до х о д и т до субъекта восприятия от предмета, издающего звук, отсюда естественный участник Исходный пункт; а при зрительном восприятии, наоборот, взгляд идет от глаза к предмету, и объект восприятия не является Исходным пунктом какого-либо движения.

Разумеется, не все необязательные участники должны быть явным образом зафиксированы в словаре. Например, нет необходимости указывать в словаре, что глагол *звенеть* имеет в числе своих потенциальных участников показатель громкости – *тихо, громко*: у *звенеть* есть семантический компонент ‘издавать звук’, а звук имеет громкость в качестве обязательного параметра.

Обязательный участник присутствует в концепте ситуации независимо от того, выражен он в предложении или нет. Факультативный участник входит в концепт ситуации только в том случае, если в предложении ему соответствует какая-то экспонента – актант (синтаксический) или сирконстант.

Один из факультативных участников ситуации – фоновый каузатор. Например, глаголу *скрипеть* в словаре приписан участник фоновый каузатор: указано, что каузатором скрипа является движение; это дает возможность, например, распознать, что во фразе *Телеги скрипели, выезжая из ворот* каузатор звука – выезжающие телеги; каузатор обозначен деепричастием. Более сложная связь между фоновым каузатором и звуком в отрывке:

(1) Когда ветер стихает и листья пастушьей сумки Еще шуршат *по инерции* или *благодаря безмятежности...* (Бродский. III.239)

Фоновый каузатор, как и другие участники, ограничен в отношении Т-категории: это может быть стихийная сила или состояние/событие, но ни в коем случае не целепологающий субъект.

Так называемые *и н к о р п о р и р о в а н н ы е* участники [Jackendoff 1993: 61; Падучева 1997] – как Огонь в семантике глагола *гореть*, Губы в *целовать* или Глаза в *видеть* – обязательно присутствуют в типовой ситуации глагола, но не имеют переменной в толковании; между тем они могут выходить на поверхность при диатетических сдвигах:

(2) затем, что глаза мои *видели* это дитя (Бродский. «Сретенье»).

Итак, есть по крайней мере четыре параметра, по которым значения глагола – его лексемы – отличаются друг от друга: тематический класс глагола: Т-категория; диатеза, т.е. участники с их коммуникативными рангами; и семантико-прагматические свойства участников – таксономия, денотативный статус и проч.

И все эти четыре параметра легко меняют значение в ходе семантической деривации, что дает новую лексему. Например, подвижной (флективной по [Булыгина 1980]) может быть Т-категория глагола, ср. *наполнять*-процесс и *наполнять*-состояние [Падучева, Розина 1993]; таксономическая характеристика участника (ср. *плыть* о человеке и о бревне; *ударить ребенка* и *ударить по столу*); тематический класс глагола, ср. *треснуть* в значении деформации (*стакан треснул*) и воздействия (*треснул по физиономии*); *скрести* в значении ‘чистить’ и в значении издавания звука, *Мостовую тихо скребет лопата* (Бродский); *хлопать* в значении издавания звука (*Ветер хлопал флагами*) и семиотическое (*хлопать артисту*, с целью выразить одобрение).

Указанные четыре параметра лексемы не полностью независимы друг от друга – в том смысле, что выбор значения по одному параметру может предсказывать или исключать определенное значение по другому. Например, при переходе от *звенеть уздечками* к *уздечки звенят* меняются сразу и Т-категория глагола, и диатеза, и Т-категория участника.

Внутренние связи между разными параметрами значения – один из источников

семантически дефектных парадигм. Впрочем, грамматические параметры словоформы тоже не полностью независимы друг от друга. Так, сов. вид отсутствует у глагола в наст. времени; в сослагательном наклонении отсутствуют формы времени, и т.д.

2. ГЛАГОЛЫ ИЗДАВАНИЯ ЗВУКА: ПАРАДИГМА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Как правило, каждый тематический класс имеет свою стандартную семантическую парадигму. Далее речь идет о парадигме глаголов издания звука.

К идеальным глаголам звука принадлежат: *гремять, гроыхать, грохать, грохотать, гудеть, дребезжать, звенеть, звонить, звучать, свистеть, скрипеть, стучать, тархтеть, трещать, хлопать, хлюпать, хрустеть, шелестеть, шипеть, шуметь, шуршать, щелкать*³.

Идеальные глаголы звука образуют плотно структурированную область: семантические деривации здесь в достаточной степени продуктивны. Так что идеальные глаголы звука почти всегда имеют полную (не дефектную) парадигму регулярной многозначности.

Общее свойство идеальных глаголов звука – то, что у них одним из участников является Источник звука, отдельный от Каузатора. Поэтому глаголы звука допускают диатетический сдвиг типа *Солдаты грохочут сапогами – Сапоги грохочут*. Между тем такой глагол, как *завывать* не предполагает Источника звука:

(1) и неважно, о чем там пурга *завывала* протяжно (Бродский);

здесь нельзя спросить **Чем она завывала?* Поэтому с точки зрения глагола *грохотать* глагол *завывать* имеет, так сказать, дефектную парадигму⁴.

Другая особенность идеальных глаголов звука: деятельность/процесс, сопровождающиеся изданием звука, не специфицированы. Не относятся к идеальным глаголы *хранеть* (= 'спя, издавать звук'), *пахнуть, топать, хрипеть, стонать, сопеть, журчать; плакать* вообще не глагол звука – у него издание звука не является обязательным компонентом (хотя *плач* – это звук).

Как пишет А. Вежицка [Wierzbicka 1980: 111], «Семантическая структура большинства глаголов звука основана на соотношении с типической ситуацией. В случае глагола *rattle* 'шуршать, шелестеть' эта типическая ситуация, по-видимому, включает движение в контакте с сухими листьями». Здесь сухие листья – переменная, но движение Каузатора и его контакт с Источником звука – инвариант, который проходит через все идеальные глаголы звука. Схема толкования корневой лексики идеального глагола: Источник находится в контакте с Каузатором, Каузатор движется, движение передается Источнику, Источник издает звук.

В число участников ситуации издания звука почти всегда входит Наблюдатель, т.е. Экспертиент в коммуникативном ранге За кадром [Падучева 1997: 21]. При отсутствии Наблюдателя доказываем, в частности, тем, что место Источника звука выражается, как правило, дейктически – относительно Наблюдателя; так, в (2) предлог *за* показывает, что Наблюдатель находится по эту сторону от шторы:

(2) Море гремит *за волнистой шторой* (Бродский)

Наблюдатель исчезает из толкования лексики, как только издание звука из процесса становится деятельностью или действием (о принципиальной роли Наблюдателя в семантике глаголов процесса см. Кустова 1994). Более того, с появлением деятеля факультативным может стать и сам звук:

³ Список составлен по словнику из [Зализняк 1978]. Кроме того, в нашем распоряжении был список глаголов звучания, составленный С.А. Крыловым с помощью его базы данных по словарю С.И. Ожегова.

⁴ По этой причине дефектна парадигма глаголов типа *лаять*, которые в своем первичном значении обозначают издание звуков животными. Мы сосредоточимся на идеальных глаголах, поскольку начинать естественно с максимально полной парадигмы.

(3) Я звонил в дверь, но звонка не было.

Парадигма строится на базе четырех параметров лексического значения, рассмотренных в разделе 1. В парадигме различается основная часть (более обязательная) и дополнительная. Структуру парадигмы демонстрирует Таблица 1. Строка Таблицы 1 – это набор значений параметров. Лексемы одного слова образуют столбец (см. Таблицу 2), где каждой лексеме сопоставлена строка Таблицы 1. Основная часть парадигмы отделена от дополнительных жирными линиями.

Таблица 1

Структура парадигмы регулярной многозначности

Тематический класс	Шифр	Т-категория лексемы	Диатеза	Характеристики участника
I		II	III	IV
звук	1	процесс-каузация	(каузативная)	...
	2.1	процесс	с фоновым Каузатором	...
	2.2		без фонового Каузатора	...
	3		(без фонового Каузатора)	...
		свойство		...
перемещение	...	действие	...	...

У большинства слов нашего списка все лексемы принадлежат к одному и тому же тематическому классу (например, *звенеть* во всех значениях остается глаголом звука). Для них тематический класс играет, среди параметров лексического значения, приблизительно ту же роль, что грамматический разряд в парадигме словоизменения: он определяет общую структуру парадигмы, не фигурируя ни в одной из строк в качестве параметра. Рассмотрим вначале именно этот случай.

Место лексемы в основной части парадигмы определяется ее Т-категорией (у одного и того же глагола звука, как правило, есть лексемы категорий процесс-каузация, процесс и свойство) и диатезой. Для категории «процесс-каузация» диатеза однозначно предопределена как каузативная – (Каузатор-Сб, Пациенс-Об). У лексем категории «свойство» один участник, и диатеза тоже не играет различительной роли. Для процесса же остаются две возможности – диатеза с фоновым Каузатором, когда процесс идет за счет притока энергии извне (Субъект – Пациенс, а Каузатор уходит на периферию: *Стекла звенели от проезжающих карет*; это процесс с пассивным Субъектом, пассивный), и диатеза без фонового Каузатора, когда Каузатор либо совмещается с Пациентом в одном участнике (*Звенят цикады*), либо просто исчезает.

Каждой строке парадигмы сопоставлен шифр, который характеризует место лексемы в парадигме. Те же шифры сопоставлены лексемам в Таблице 2.

Таблица 2

Основная часть семантической парадигмы глагола *звенеть*:

ЗВЕНЕТЬ 1, процесс-каузация (*Кони тихо звенели уздечками*)

ЗВЕНЕТЬ 2.1, процесс: с фоновым Каузатором (*Ветки звенят на морозе; Стекла звенели от проезжающих карет*)

ЗВЕНЕТЬ 2.2, процесс: без фонового Каузатора (*Звенят цикады*)

ЗВЕНЕТЬ 3, свойство (*Эти бокалы звенят, как колокольчики*)

Вправо от жирной линии в Таблице 1 находятся дополнительные разделы парадигмы, возникающие за счет того, что у каждого члена основной парадигмы могут быть свои семантические дериваты, менее регулярные. Они получаются при замене исходной, нейтральной Т-категории участника на некоторую специальную. Шифры для дополнительных членов парадигмы получаются за счет буквенных расширений. Например, *стучать* в значении 1, процесс-каузация (*Дождь стучит по крыше*), дает, в контексте целеполагающего Субъекта, семантический дериват с контролируемой каузацией, деятельность (*Кто-то стучит в дверь*), шифр – 1к(онтролируемая каузация). От *свистеть* в значении 2.2 (*Свистит коростель*) образуется значение процесса, сопровождающего движение (*Свистят пули*), шифр 2.2д(вижение). От значения 2.2 регулярно образуется (когда Т-категория Субъекта – звук) бытийное значение; например, *Звенела музыка в саду* означает не столько процесс издавания звука, сколько наличие процесса в поле зрения (слуха) Наблюдателя; шифр – 2.2б(ытийное). Значение 3, свойство, в контексте Субъекта – устройства преобразуется в значение функционирования, шифр – 3у(стройство). Поскольку *выстрел* обозначает событие (сопровожаемое звуком), у *греметь* в контексте *Гремит выстрел* шифр 2.2с(обытие). Ср. также 2.2м(етафорическое) употребление *звенеть* (*Соколова гитара до сих пор в ушах звенит*).

Заметим, что шифр не обязан обеспечивать идентификацию значения: в парадигме могут быть две разные лексемы с одинаковым шифром. Например, у слова *хлопнуть* есть две лексемы с одним и тем же шифром 1к – ХЛОПНУТЬ (по плечу) и ХЛОПНУТЬ (= ‘убить’). Отметим и другое отличие шифра от номера значения: наличие в парадигме лексемы с шифром 2.2 не предполагает обязательного наличия лексем с шифром 1 или 2.1.

Для различения значений слова мы предпочитаем использовать краткие пояснения – это может быть диагностический контекст, гипероним, Т-категория. Скажем, ЗВЕНЕТЬ (ключами) – это то значение *звенеть*, которое возникает в контексте типа *шел, звеня ключами*; а ЗВЕНЕТЬ (о музыке) – это как в контексте *Звенела музыка в саду*.

Члены парадигмы связаны отношением семантической деривации, и, в принципе, толкование для производной лексемы может быть получено модификацией толкования более исходной, см. Раздел 4. Для корневой лексемы формат толкования определяется Т-категорией. Например, для *звенеть* в значении 1, т.е. при Т-категории «процесс-каузация», толкование имеет следующую схему:

Х звенит Y-ом (например, *Кони звенят уздечками*) =
 Экспозиция – Источник (Y) находится в контакте с Каузатором (X)
 Каузация – Каузатор (X) пребывает в движении;
 Каузатор (X) воздействует на Источник (Y)
 это вызывает
 Эффект – Источник (Y) издает звук: такой, как...
 Рамка – Наблюдатель слышит звук.

Наши толкования не ставят задачи точно охарактеризовать качество звука (например, отличить *грохотать* от *громыхать*, *шуршать* от *шелестеть*), если оно не отражается на сочетаемости глагола с достаточно крупными классами слов. Так что, как правило, мы ограничиваемся с х е м а м и толкования.

Обратимся к проблеме выбора корневой лексемы в парадигме глагола звука. Идеальные глаголы звука – это произвольные действия: в [Апресян 1995: 348] глаголы издавания звука *скрипеть*, *скрежетать* идут в одном ряду с глаголами *моргать*, *трепетать* (крыльями), *вилять* (хвостом), *блуждать* (глазами). Точнее сказать, эти глаголы обозначают произвольные п о с л е д с т в и я (действий, деятельностей, процессов, событий). Деятельность для многих глаголов звука производная категория, а для некоторых вообще исключена. В таком случае, естественная Т-категория корневой лексемы глагола звука – процесс-каузация (как в *Кони звенят уздечками*).

Другой претендент на роль корневой Т-категории в парадигме глагола звука – процесс (*звонят шпоры, гремит посуда, скрипят половицы*). Быть может даже более законный, поскольку некоторые глаголы звука (например, *шипеть, шуметь*) практически не имеют каузативной диатезы в стандартном не фразеологическом употреблении (**Паровоз шипит паром*). Мы, однако, принимаем за исходный член деривационной парадигмы лексему с каузативной диатезой, а значение процесса рассматриваем как результат семантической деривации, а именно, декаузативации. Дело в том, что в русском языке декаузативация – продуктивная словообразовательная модель (глагол на -ся можно даже трактовать как грамматическую форму от невозвратного глагола, ср. *катить – катиться*), а регулярных средств каузативации нет. Вообще, удобнее описывать изменение диатезы в направлении уменьшения числа участников.

Итак, за исходный член парадигмы принимается такое употребление глагола, когда звук представлен как получающийся воздействием внешнего Каузатора на Источник звука. Каузация может быть контролируемой и неконтролируемой, причем неопределенность не воспринимается как неоднозначность: во фразе *Он спускался по лестнице, звеня ключами* не только неизвестно, но и неважно, было ли издавание звука сознательным или непроизвольным, см. [Апресян 1974: 177].

Обратимся теперь к словам, у которых в парадигме значений есть лексемы разных тематических классов⁵. Здесь две возможности: глагол звука – исходный пункт семантической деривации и глагол звука – дериват. Так, глагол *тарыхтеть* в исходном значении – глагол звука (*Ванин мотоцикл ужасно тарыхтит; В сарае тарыхтит мотоцикл*), а в производном – глагол перемещения (*Мотоцикл тарыхтел по дороге*). С другой стороны, глагол *плескать* в исходном значении – глагол перемещения (*плескал воду себе на грудь*), а в производном – глагол звука: *Море тихо плещет* = ‘вода, ударяясь обо что-то, издает звук’.

Если в парадигму слова входят лексемы разных тематических классов, в шифр лексемы добавляется римская цифра (она соответствует тематическому классу, который указан в соответствующем месте словарной статьи). Например, у *плескать* в значении перемещения шифр начинается с I, а лексема звука имеет шифр II.2.2.

Семантические связи между глаголами разных тематических классов вполне естественны. Так, *грохотать, грохнуть* – глаголы издавания звука, но *грохнуть* может значить также ‘упасть’, ‘бросить / уронить с грохотом’. Слово *загреметь* в значении ‘упасть’ (*загремел с лестницы*) – дериват от *греметь*, хотя в нем компонент издавания звука становится уже необязательным.

Разумеется, даже при очевидной семантической связи между значениями слова не всегда можно говорить, что они образуют парадигму. Два значения одного слова могут быть близки, но не связаны никаким регулярным отношением семантической деривации; ср. глагол *засунуть*, который, согласно Малому Академическому Словарю, имеет два значения – ‘запихнуть’ и ‘положить так, что трудно найти’.

Поскольку значение лексемы существенно зависит от Т-категорий участников, требует пояснения Т-категория слова *голос*, которое, естественно, часто встречается в контексте глаголов звука. В своем первичном значении *голос* – это орган, предназначенный для издавания звука (орган можно определить как устройство / инструмент, составляющий часть тела⁶), т.е. то же, что *голосовые связки*, ср. *Чей-то голос произнес*.

⁵ Пересечение тематических классов – это неизбежность; но если классифицировать корневые лексемы семантических парадигм, пересечения можно сократить, если не устранить вовсе.

⁶ Аналогия между органом – частью тела человека и частью устройства проводится в [Шеглов 1964: 51]: «Орган – какая-то часть устройства (например, человека), которая совершает один и тот же круг действий (например, рука, разум, воля и т.д.)».

Кроме того, слово *голос* обозначает с п о с о б н о с т ь выполнять соответствующую функцию (ср. *голос пропал*). Такие слова, как *глаза, ум, память* обозначают одновременно орган и способность выполнять соответствующую функцию (*слабые глаза, острый ум, прочная память*), см. [Урысон 1997]; это регулярная многозначность. Голос как орган характеризуется прежде всего с точки зрения свойств издаваемых звуков, ср. *слабеет голос мой; голос мой отроческий зазвенел*, так что между органом и способностью трудно бывает провести границу. В любом случае, *низкий голос* – это как *острый ум*.

Во втором значении *голос* – это актуально издаваемый звук: *раздался, послышался голос; твой голос до меня не доходит*.

Поскольку орган – это инструмент, предназначенный для издавания звука, а инструмент – частный случай Источника звука, в категориях, релевантных для класса глаголов звука, *голос* – это Источник звука и одновременно сам звук. Контекст может снимать неоднозначность. Так, во фразе *Голос у нее звенит* глагол *звенеть* обозначает свойство Источника (как в *Эти бокалы звенят как бубенчики*), а в *Вечернем воздухе звенели женские голоса* имеет бытийное значение, как в *Звенела музыка в саду*. При этом получается, правда, что фраза *Буду слушать твой голос* имеет две интерпретации, хотя по существу она однозначна.

Регулярная многозначность типа 'источник звука' – 'звук' объединяет слово *голос* с названиями музыкальных инструментов: все названия музыкальных инструментов (и их активных частей, например, *струна*) могут обозначать и самих себя и, метонимически, издаваемый звук, ср. *играю на скрипке / слышу скрипку*. И здесь та же паразитическая неоднозначность:

(4) *Гремят литавры* =

а) слово *литавры* обозначает Источник звука, и *гремят* имеет значение процесса с фоковым Каузатором;

б) *литавры* обозначает звук, и *гремят* имеет бытийное значение.

3. ДЕФЕКТНЫЕ ПАРАДИГМЫ

Ниже мы покажем, что у глаголов звука семантика корневой лексемы дает возможность предсказать всю парадигму, а дефектность парадигмы имеет семантическое или какое-то иное объяснение.

Глагол *звенеть* имеет все четыре лексемы, принадлежащих к обязательной части парадигмы, т.е. его обязательная парадигма полная. Примерно такая же парадигма у *греметь, грохотать, гудеть, скрипеть, трещать, стучать, шелестеть, шуршать*.

У *звенеть* обнаруживается следующий дефект в дополнительной части парадигмы, отличающий *звенеть*, например, от *свистеть* и, вообще, от всех других глаголов звука. В контексте Субъекта, обозначающего устройство со специальным предназначением для издавания определенного рода звуков, этот глагол не употребляется в значении функционирования, а должен быть замещен своим "дальним родственником" – *звонить*: сказать про звонок, что он не работает, можно только словами *Звонок не звонит*; а *Звонок не звенит* понимается исключительно в актуальном смысле. Дело в том, что значение свойства всегда производно от итератива, а *звонить* исторически – каузатив и итератив от *звенеть* (как *носить* – каузатив и многократная форма от *нести*). Таким образом, полная парадигма глагола *звенеть*, где значение функционирования выделено в отдельную строку, дефектна, и дефектность объясняется тем, что одна строка в парадигме *звенеть* заполняется глаголом *звонить*.

У глагола *скрежетать* значение свойства Источника только вынужденное – так сказать, форсированное (см. об этом ниже). Его основное значение – актуально текущий процесс:

(1) Колеса отвратительно *скрежатали* по щебню (Горький)⁷

Напротив, *дребезжать* чаще употребляется в значении свойства Источника (*пианино, голос дребезжит*); хотя и значение актуального процесса не исключено:

(2) Когда гремел мазурки гром, В огромной зале все дрожало, Паркет трещал под каблуком, Тряслися, *дребезжали* рамы (Пушкин); Подвязанное снизу ведро ожесточенно *дребезжит* (Серафимович); *дребезжит* сдаваемая посуда (Бродский)

Глаголы *шелестеть* и *шуметь*, в норме, не имеют значения деятельности. Им свойственно обозначать эффект, сопутствующий деятельности, отсюда их преимущественно деепричастная форма. Практически не употребляется 1 лицо ед. числа: **Я шелещу*, **Я шумлю*. При употреблении в 1-м лице множ. числа чувствуется эмпатия к собеседнику:

(3) Мы тут *шумим* – наверное, вам мешаем.

У *шуметь* наиболее ощутимый среди глаголов звука оценочный компонент (шум – это плохо) и почти полное отсутствие спецификации звука⁸ – глагол абстрактный. Поэтому он не имеет участника Источник: Источник – это инструмент (не обязательно целеполагающего субъекта), и как таковой он атрофируется в контексте абстрактных глаголов действия, ср. *На кухне гремят (*шумят) кастрюлями*.

Синтаксис глагола *скрежетать* окрашен денотативной двойственностью ситуации. Условия, при которых возникает скрежет, могут варьироваться – скрежетать может единый предмет, состоящий из металлических частей, но тот же звук может получаться при ударах одного предмета о другой. Пример (4) демонстрирует соответствующие две диатезы *скрежетать*:

(4) а. Броненосец скрежетал *якорными цепями*;

б. Броненосец скрежетал *якорными цепями о причал*.

Здесь *о причал* – участник, который может быть назван Медиатор⁹: в контексте контролируемой каузации его роль близка к Инструменту, но, в отличие от типичного Инструмента, этот участник неподвижный, ср. *разбила очки о камень; бьется головой об лед, вытерла руки об подол*.

Денотативной двойственностью характеризуется и ситуация, описываемая глаголом *свистеть*. Свист может производиться двумя способами:

1) при прохождении струи воздуха под напором через узкое отверстие – оно участвует в издании звука, но не может трактоваться как полноценный Источник (ни, тем более, как «инструмент для издания свиста») и не оформляется твор. падежом; скорее это Место:

(5) ветер свистит *в проводах*; милиционер свистит *в свисток*;

2) при рассекании воздуха быстро движущимся предметом (*наотмашь свистнул шашкой*) и при трении; за счет этого употребления в парадигме *свистеть* есть лексема 2.1, процесс с фоновым Каузатором (*Свистят на осях колеса; Где-то свистнула дверь*).

У *стучать*, в отличие от *свистеть*, корневая лексема со значением процесса-каузации хорошо внедрена в лексикон, поскольку есть много предметов, которые издают этот звук под воздействием движущегося предмета. Неконтролируемый стук встре-

⁷ Здесь и далее мы используем в некоторых случаях примеры из словарей – Малого академического, Большого академического и Словаря языка Пушкина.

⁸ Некоторое ограничение на характер звука все-таки есть: шум всегда создается совокупностью разнородных звуков.

⁹ Медиатор понимается как гиперроль, выполняемая всеми участниками, которые 1) являются либо обычным Инструментом, либо пассивным посредником между Каузатором и Пациентом, и 2) либо сознательно используются Агенсиом, либо невольно оказываются в таком положении.

чается в природе, а контролируемое употребление (например, *стучать в дверь, стучать соседу*) получается по общему правилу – слово переходит в тематический класс глаголов передачи информации, когда звук производится Субъектом с семиотической целью.

Глагол *звонить* не принадлежит к идеальным глаголам звука. Поэтому не удивительно, что в его парадигме отсутствует лексема корневой Т-категории: невозможно **Ветер звонил колоколом*. Основная Т-категория для *звонить* – деятельность (*Квазимодо звонит в колокол*); допустимо бытийное значение (*Звонят колокола*) и значение свойства (*Будильник не звонит* при одном из пониманий означает ‘не функционирует’). Кроме того, у *звонить* ограничение на Т-категорию Источника – это может быть только устройство: *не звонит* может быть сказано только о звонке, будильнике, колоколе – при том, что *не звенит* можно сказать о любом предмете, (не)способном издавать этот звук. По этой причине *звонить* не допускает фонового Каузатора: звонить может только целепологающий субъект, а он не может быть фоновым Каузатором.

Глагол *звучать* тоже имеет дефектную парадигму, но совсем иную – парадигма у *звучать* начинается с бытийной лексемы, поскольку его Субъект однозначно идентифицируется таксономически как Звук. В самом деле, *звучать* – это своего рода конверсив к *слышать*; разница в том, что у *слышать* субъект восприятия выражается подлежащим, а у *звучать* им является Наблюдатель за кадром (так сказать, в рамке). В XIX в. глагол *звучать* еще мог иметь значение процесса-каузации, подобно идеальным глаголам звука:

- (6) Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся плеча (Пушкин. «Полтава»)

У *звучать* есть два специфических значения, которые выходят за границы парадигмы глагола издавания звука – они заимствованы из семантического поля восприятия. В (7) звук не только доходит до Человека-Наблюдателя, но и осмысливается (этим Человеком) как выражающий нечто:

- (7) Каждое его слово звучало как упрек.

Значение *звучать* в (8) – конверсив к его значению в (7) (как в паре *я одолжил ему – он одолжил у меня*):

- (8) В его голосе звучал упрек.

Соотношение между бытийным *звучать* и *звучать* в значении осмысления, как в (7), такое же, как между обычным *видеть* и *видеть* в контекстах типа *он видит во мне конкурента*, для которого в [Апресян 1996] дается следующее толкование:

- А видит в У-е Х = ‘Человек А имеет в сознании образ У-а, наделенный свойством Х’.

В парадигме глаголов звука есть и другие семантические дериваты, которые выявляют сходство глаголов звука с глаголами восприятия; они и в самом деле родственники – через Наблюдателя и соответствующий ему перцептивный компонент значения. Например, соотношение между бытийным *звенеть* (*Звенит песня*) и метафорическим (*Ее голос звенит у меня в ушах*) такое же как между обычным *вижу* и *вижу как сейчас*: во втором случае человек воспроизводит в сознании зрительный образ предмета, с которым в данный момент нет перцептивного контакта [Апресян 1996], тогда как у обычного *видеть* зрительный образ порождается зрительным же контактом Субъекта с воспринимаемым объектом.

Значения слова неравноценны: одни более независимы, другие возникают под влиянием контекста, т.е. являются вынужденными, окказиональными. В [Апресян 1995] вводится понятие синтаксически обусловленного значения, которое легко проиллюстрировать на глаголах звука. Так, в примере (9) *по дороге, по степи* – обстоятель-

ство, обозначающее Среду движения, и именно оно заставляет переосмыслить глагол звука как глагол движения¹⁰:

(9) Мотоцикл тарыхтел *по дороге*; Только пули свистят *по степи*.

Ту же роль играет *мимо* в (10)¹¹:

(10) Поезд громыхал в темноте *мимо запертых ставень* (Бродский).

В (9), (10) синтаксический актант не только обуславливает, но и **вынуждает** у глагола соответствующее значение. То же в примере (11) – благодаря управлению, возможному только для глагола речи, у *дребезжать* возникает значение ‘говорить дребезжащим голосом’:

(11) – Вставай, вставай! – *дребезжала* ему на ухо нежная супруга (Гоголь)

Не всегда, однако, легко понять, контекст ли обуславливает изменение значения, или изменение значения требует изменения синтаксиса. Так, переходя в класс глаголов сообщения информации, глагол приобретает свойственную этому классу валентность Адресата. Показателем перехода в иной тематический класс могут также быть: Объект (*щелкнуть* кого-либо), Результат – звуковой объект определенной структуры (*свистеть* мелодию), Инструмент: *бренчать на гитаре*. Будет ли значение глагола в этих контекстах синтаксически обусловленным?

Итак, мы заключаем, что между разными лексемами одного слова существуют регулярные семантические соотношения, что позволяет сопоставить слову не список, а парадигму лексем, связанных одна с другой продуктивными типами семантической деривации. В следующем разделе мы продемонстрируем возможности исчисления моделей семантической деривации в классе глаголов звука.

4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Можно различить четыре типа семантических дериваций (в соответствии с выявленными ранее параметрами значения глагола):

I. Изменение тематического класса глагола.

II. Изменение Т-категории глагола.

III. Диатетический сдвиг, т.е. изменение коммуникативных рангов участников.

IV. Изменение таксономических, референциальных и прочих характеристик участника.

Теоретически, обобщенное описание семантических переходов, порождающих из исходного значения всю парадигму, дает возможность помещать в словарь только корневую лексему, лишь указывая наличие и тип производных и не давая им толкования. Разумеется, преобразование толкований одно в другое – это скорее теоретическая возможность, чем осуществимая реальность: о каждой лексеме в словаре, помимо толкования, должно быть сообщено и много других сведений, так что установление парадигматических связей между лексемами парадигмы не означает отмены соответствующих словарных статей. Однако по отношению к вынужденным, окказиональным употреблением возможность получать толкования с помощью своего рода грамматики лексикона представляется заманчивой.

I. Изменение тематического класса глагола

Глагол может принадлежать к данному тематическому классу своим основным значением (корневой лексемой парадигмы) и производным (семантическим дериватом).

¹⁰ У глагола *звучать* (в отличие от *звенеть*, *тарыхтеть*) издавание звука уходит в глубокий фон – на первый план выступает его восприятие Наблюдателем; поэтому в строках Пушкина *Язык Италии златой звучаи по улице веселой* предлог *по*, употребленный вместо более простого *на*, хоть и выражает движение, но едва ли это движение Источника звука – скорее это движется Наблюдатель.

¹¹ См. о *мимо* [Кронгауз 1996; Филипенко 1997].

Соответственно, глагол звука может быть выходцем из иного тематического класса, как *треснуть*, см. примеры (1), (2) ниже, а может иметь семантический дериват, принадлежащий к иному тематическому классу, как *хлюпать* в значении движения в (5) и *стучать* в семиотическом значении в (6).

Мену тематического класса можно представить как смещение акцентов: эта семантическая деривация происходит в том случае, когда в значении глагола имеется по крайней мере два компонента, и преобразование сводится к тому, что периферийный звуковой компонент, который с о п р о в о ж д а л воздействие (или деформацию, перемещение и под.), становится центральным; или наоборот, звуковой компонент из центра уходит на периферию.

Семантическая деривация могла бы быть задана правилом, которое позволяет из толкования исходной лексемы получать толкование производной. Мы ограничимся схемой толкования исходного и производного члена деривационной пары – общее правило самоочевидно. Во всех примерах Раздела 4 пример (а) – исходная лексема, (б) – дериват; в кавычки заключены метаобозначения компонентов, которые задают тематический класс.

(1) «деформация / воздействие» $\Rightarrow$ «звук такой, как при этой деформации / воздействии»:

- (1) а. *Х треснул* (например: *Банка треснула*) =

Экспозиция – Х был целый

Фоновый каузатор – произошло нечто

это вызвало

Последствие – в Х-е имеется разлом (Центр)

(Возможное последствие – Х издал звук: треск (Периферия))

- б. *Х треснул* (например: *Что-то треснуло в овраге – это медведь*) =

Фоновый каузатор – произошло нечто (возможно – разлом в Х-е)

это вызвало

Последствие – Х издал звук: треск (центр)

Различие между (1а) и (1б) в том, что в (1а) в Центре находится событие – возможно, но не обязательно каузирующее звук, а в (1б) событие уходит в фон, и издавание звука становится центральным компонентом. То есть компоненты обмениваются коммуникативными ролями¹². Аналогично в (2):

- (2) а. *А стукнул Х-а Y-ом* (например: *Кого-то стукнули бутылкой по голове*) =

Каузатор – А действовал с Целью

: резким движением привел Х в контакт с Y-ом

это вызвало

Результат – Y претерпел воздействие (болевое ощущение, деформация и под.)

(Центр)

(Возможное последствие – Y издал звук: стук (Периферия))

- б. *А стукнул X-ом по Y-у* (например: *Он стукнул кулаком по столу*) =

Каузатор – А действовал с Целью

: резким движением привел X в контакт с Y-ом

это вызвало

Результат – Y издал звук: стук (Центр)

(Возможное последствие – Y (или X и Y) претерпел воздействие (Периферия))

Данный тип семантической деривации непродуктивен.

Заметим, что признание наличия у слова *стукнуть* двух лексем разных тематических классов – 1) воздействие (*стукнул палкой по голове*) и 2) издавание звука (*Кто-то тихонько стукнул в окно*) – наталкивается на трудности при аспектуальной идентификации этого глагола. Дело в том, что *стукнуть* в значении воздействия имеет производный итератив *стукать* (не *стучать*!); а у глагола звука *стучать*, как и у

¹² Ср. о дериватах этого рода в [Кустова 1995].

всех других глаголов звука, исходной является форма НСВ, и *стукнуть* – производный от нее СВ семельфактив¹³.

Аналогично с глаголом *треснуть*: он может иметь значение деформации (*Лед треснул в нескольких местах*) и издавания звука (*В лесу что-то треснуло*). Однако от *треснуть* в значении деформации ближайший НСВ – *трескаться*; так, *Лед трещит* означает прежде всего ‘издает звук’. Тем самым одна лексема *треснуть* корневая в поле глаголов деформации, а другая, со значением звука, – производный СВ, семельфактив от лексемы *трещать* из поля звука.

2) «звук» ⇒ «движение, сопровождаемое данным звуком»:

(3) а. Слышишь, как *тарахтит* Ванин мотоцикл?

б. Мотоцикл *тарахтит* по проселочной дороге.

(4) а. Стекла *звенели*; б. По улицам весело *звенели* трамваи.

(5) а. Не *хлюпай*; б. Два часа мы *хлюпали* по болоту.

В (5а) центральный компонент – ‘Х издает всасывающие или чмокающие звуки’; а схема толкования для (5б) –

Х действует: перемещается по Z-у (Центр)

это вызывает

Х (или Y, находящийся в контакте с X) издает всасывающие или чмокающие звуки (Периферия)

Деривация продуктивная, ср. глаголы *ахнуть*, *бахнуть*, *брякнуть*, *бухнуть*, *ухнуть*, *грохнуть*, *загреметь* и их производные.

3) «звук» ⇒ «использование звука в семиотической функции»¹⁴:

(6) а. Х *стучит* (например, *Стучат колеса*);

б. Х *стучит* в Z Y-у (например: *Я стучал соседям – никого нет*) =

Каузатор – Х действует с Целью: резким движением многократно приводит свою часть тела или инструмент в контакт с Y-ом или его окрестностью
это вызывает

Эффект, соответствующий Цели – Х производит звук; тем самым Х дает понять, что хочет контакта с Y-ом

Компонент ‘Х действует с Целью’ показывает, что дериват, принадлежащий к семиотическому полю, имеет категорию Деятельность. Деривация продуктивна: окказионально этой деривации может подвергаться любой глагол, в денотат которого хоть как-то входит издавание звука, ср. известное *Я не тебе плачу*.

Менее продуктивный переход – ‘издавание звука’ ⇒ ‘воздействие, сопровождаемое данным звуком’ (так, *треснуть* в значении ‘ударить’ образовано от глагола звука, а не деформации).

II. Изменение Т-категории глагола

1) «каузация процесса» ⇒ «деятельность».

Значение неконтролируемого процесса-каузации перейдет в значение деятельности, если добавить в семантическую формулу слова целевой компонент. Так, издавание звука становится деятельностью, если звук превращается в сигнал (приобретает семиотическую функцию), как в случае *стучать*, *звонить*¹⁵.

¹³ Такую же аспектуальную тройку составляют *бурчать*, *буркнуть* и *буркать* (все относятся к тематическому классу глаголов звука): от многоактного *бурчать* производный СВ семельфактив *буркнуть*, а от *буркнуть* НСВ с итеративным значением – *буркать*.

¹⁴ Т.е. в функции означающего по отношению к некоему означаемому.

¹⁵ Направление производности между лексемами с неконтролируемой и контролируемой каузацией у разных глаголов разное. В большинстве тематических классов исходная лексема имеет значение действия; тогда неконтролируемое значение возникает как производное (в контексте нецелеполагающего субъекта), если ситуация такова, что целенаправленное воздействие не является необходимым условием возникновения результата, как у *разрушить* (в отличие от *построить*).

В формулу деятельности обязательно входит спецификация цели. В контексте наречий типа *нарочно*, *намеренно* или целевого показателя, как в (7), значение деятельности нельзя даже назвать синтаксически обусловленным – просто оно выражается от начала до конца не глаголом звука, а этими показателями:

(7) *нарочно звенел ключами*, чтобы было не страшно.

2) «процесс испускания звука» $\Rightarrow$ «свойство Источника испускать данный звук»:

(8) а. За стеной *дребезжит* пианино; б. Пианино *дребезжит*;

Деривация не чисто семантическая – она отражается в просодии: значение процесса и наличия процесса акцентирует источник звука или звук; тогда как реализация значения свойства требует акцента на глаголе.

III. Диатетический сдвиг

Глаголы издавания звука принадлежат к числу лабильных – глагол звука может употребляться как декаузатив самого себя: его Пациенс (а Источник звука – это Пациенс) свободно переходит в позицию Субъекта:

(9) Кони *звонят* уздечками – Уздечки *звонят*;

Лабильность, вообще говоря, русскому языку не свойственна – как правило, переход Пациенса в позицию Субъекта требует возвратной частицы:

(10) Река *разрушила* мост – Мост *разрушился*.

Закономерность, которая выявляется из сравнения примеров (9) и (10), состоит в следующем: если Пациенс – Объект, то в русском языке ему для перехода в позицию Субъекта обязательно нужно *-ся*. Между тем у глагола издавания звука Пациенс – периферийный участник; ему переход в позицию Субъекта не запрещен.

Возникает вопрос, почему Пациенс глаголов звука не является синтаксическим Объектом. Можно думать, что глаголы звука – это, по сути, глаголы создания; их внутренний Объект – звук, который, однако, остается невыраженным, инкорпорированным участником; отсюда тот факт, что слова типа *звон*, *щебет* не являются названиями ситуации (ср. [Урысон 1996]): в своем первичном значении это имена внутреннего Объекта, Пациенса.

Диатетические сдвиги делятся на два класса:

А. Мена коммуникативных рангов собственных участников ситуации.

Б. Вовлечение в ситуацию несобственных участников.

А. Мена коммуникативных рангов

Диатеза лексемы представляет собой набор участников (в данной работе они заданы ролями), с указанием коммуникативного ранга каждого. Сокращения для рангов: *Сб* – Субъект, *Периф* – периферийный участник.

В парадигме глаголов звука абсолютную продуктивность имеет диатетический сдвиг, при котором процесс-каузация переходит в процесс с фоновым Каузатором; изменение диатезы следующее:

⟨Каузатор-Сб, Источник-Периф⟩ $\Rightarrow$ ⟨Источник-Сб, Каузатор-Периф, факультативный⟩.

Примеры:

(11) а. спускался по лестнице, брэнча *мелочью*;

б. Не брэнчи ты в кармане, *мелочь*! (Бродский)

(12) а. ветер гудит в *проводах*;

б. *Провода* гудят (от ветра).

Суть семантического сдвига видна из Таблицы 3 (нумерация строк – принятая в базе данных системы «Лексикограф»).

Формат процесса-каузации:

- 0) Источник в контакте с Каузатором
- 1) –
- 2) –
- 3) –
- 4) Каузатор находится в движении
- 5) Каузатор воздействует на Источник
- 6) это вызывает
- 7) Эффект: Источник издает звук
- 8), 9) –
- 10) Рамка: Наблюдатель слышит звук

Формат процесса с фоновым Каузатором:

- 0) (Источник в контакте с Каузатором)
- 1) (Каузатор находится в движении)
- 2) (Каузатор воздействует на Источник)
- 3) (это вызывает)
- 4) Источник издает звук
- 5) –
- 6) –
- 7) –
- 8), 9) –
- 10) Рамка: Наблюдатель слышит звук

Как легко видеть, вся разница в том, что компоненты, которые в формате процесса-каузации соответствуют переднеплановому Каузатору, в формате процесса с фоновым Каузатором уходят в фон, становясь периферийными (что выражено их перемещением из срединной части толкования в крайнюю) и факультативными (что выражено скобками).

Деривация продуктивная. В результате изменения диатезы возникает фоновый Каузатор – факультативный участник. Если в предложении нет соответствующего ему синтаксического актанта, компоненты в скобках стираются.

В [Апресян 1995: 348] группа *от* + сущ. в род. падеже отмечена как сочетаемостная особенность глаголов непроизвольного движения, т.е. как своего рода показатель непроизвольности:

Он блуждает (мигает, моргает) глазами *от яркого света*;

Больной скрипит (скрежещет) зубами *от боли*;

Птица трепещет крыльями *от страха*.

Лексемы со значением процесса издавания звука бесспорно имеют специальное предрасположение к такому управлению. Это их свойство выводится из толкования: фоновый Каузатор был Субъектом данного слова в исходной диатезе. Фоновый Каузатор возможен у глагола издавания звука не при всех его значениях: он отсутствует в контексте, где глагол выражает свойство: *Дверь скрипит, надо смазать* (в контексте *Дверь скрипит от малейшего прикосновения* лексическое значение у *скрипеть* – процесс, а не свойство).

Лексему со значением процесса без фонового Каузатора можно представить как полученную семантической деривацией совмещения ролей (трансформация, обратная расщеплению валентностей по [Апресян 1974]):

⟨Каузатор-Сб, Источник-Периф⟩ ⇒ ⟨Каузатор-Источник-Сб⟩.

Так, в (13) значение «активного» процесса (без фонового Каузатора) обязано своим существованием контексту такого Субъекта, который содержит Источник звука в себе самом (или является Источником звука, который приходит в активное состояние как бы сам по себе). Таким Субъектом может быть устройство, предназначенное для издавания этого звука, живой организм или природная сила:

(13) а. Ваня звенит ключами;

б. Звенят *цикады*.

Б. Вовлечение в ситуацию несобственных участников

Имеется две разновидности несобственных участников (таких, которые отсутствуют в корневой лексеме, но возникают в толкованиях производных) – инкорпорированные участники и сирконстанты (а также части, вместилища и другие атрибуты собственных участников).

1) инкорпорированный участник $\Rightarrow$ эксплицитный участник.

В примере (14) *струны* становятся из инкорпорированного участника эксплицитным; значение глагольной лексемы одно и то же, а различие между двумя концептуализациями ситуации только коммуникативное:

(14) а. Звенела *гитара*; б. Звенели *струны* гитары.

В примере (15) есть дополнительное различие между (а) и (б):

(15) а. Он судорожно хрустел бумажками;

б. *Правая рука* его судорожно хрустела бумажками:

у одушевленного Субъекта всегда остается возможность контролировать ситуацию – смысл глагола не исключает этой возможности, а подстановка на место Субъекта его части тела делает движение однозначно неконтролируемым.

Значение, представленное примером (16), тоже включает переход инкорпорированного участника в ранг эксплицитных:

(16) Соколовская гитара до сих пор *в ушах* звенит.

Это участник Уши, имплицитруемый глаголом *слышать*, который неявно входит в толкование всех глаголов звука – через Наблюдателя слышащего.

2) Вовлечением в ситуацию несобственного участника можно назвать также ту семантическую деривацию, в результате которой местоположение Источника переосмысливается как Исходный пункт д в и ж е н и я звука по направлению к Наблюдателю – возникает действительская ориентация ситуации на Наблюдателя:

(17) *Сверху* гудит колокол;

(18) Колокольчик звенит *издалека*.

IV. Изменение Т-категории участника

Изменение значения глагола может быть обусловлено изменением категории участника. Ниже стрелка $\rightarrow$ обозначает замену исходной Т-категории на производную.

1) материальный предмет $\rightarrow$ издаваемый им звук:

(19) а. *Посуда* гремит; б. Гремит *музыка*.

В результате этого категориального сдвига у глагола возникает бытийное значение. У лексемы с бытийным значением все компоненты, связанные с возникновением звука, отходят в фон: звук уже существует – он обозначен синтаксическим актантом глагола; ассертивным становится компонент ‘Наблюдатель слышит звук’.

Метонимическая связь между источником и звуком столь тесная, что, в нарушение закономерности самого общего характера, одно слово может быть употреблено в предложении одновременно в двух своих значениях (эта возможность отмечена в [Шмелев 1973: 220]). Так, в (20) *пианино* в его отношении к сказуемому *бередит* должно обозначать не сам музыкальный инструмент, а его звук, поскольку только звук может воздействовать на слух; между тем *разбуженное* относится к инструменту¹⁶:

(20) Одним пальцем разбуженное *пианино* бередит слух (Бродский)

2) звук $\rightarrow$ событие / процесс, которым сопровождается издавание данного звука:

(21) а. Гремит *музыка*; б. Гремит *выстрел*.

В (21а) Субъект – звук, и значение глагола сводится к указанию на наличие процесса издавания звуков определенного вида. В (21б) Субъект – событие, сопровождающееся издаванием звука; предложение утверждает поэтому наличие не только звука, но и события. Похоже в примере (22) – с той разницей, что шаги сопровождаются издаванием данного звука с меньшей очевидностью:

¹⁶ Проблема совмещения метонимически связанных значений обсуждается в [Перцов 1996].

(22) Морозно, остро пахло зимним лесом, а на безвестных станциях вдоль эшелона хрустели торопливые *шаги*.

Видимо, дело было так, что шаги по морозному снегу сопровождались хрустящим звуком.

Изменение Т-категории участника требует модификации схемы толкования глаголов процесса (ср. о модификациях толкования в [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993]): если Субъект процесса – устройство, специально предназначенное для подачи сигнала, издавание звука имеет семиотическую цель (*звенит будильник, звонок; звонит колокол*), и в толковании к компоненту 'Наблюдатель слышит звук' должен быть добавлен компонент 'Наблюдатель воспринимает сигнал'. Модификации толкования требует контекст Субъекта, называющего устройство или инструмент, у которого издавание звука свидетельствует о том, что идет определенный процесс (*скрипят перья, трещит пулемет, свистят пули*) или произошло определенное событие (*щелкнул курок*).

Формат толкования глагола свойства в исходном виде (например, в контексте *Эти бокалы красиво звенят*) таков:

Источник обладает свойством:

когда находится в контакте с Каузатором [презумпция]

это вызывает:

Источник издает звук: такой, как... [ассерция]

В контексте, где свойство приписывается устройству общего рода (например, *Кран свистит*), толкование упрощается:

Источник обладает свойством:

когда функционирует [презумпция]

это вызывает:

Источник издает звук: такой как... [ассерция]

В контексте, где Субъект – устройство, предназначенное для издавания звука (например, *Пианино дребезжит*), единственным ассертивным компонентом глагола остается качество звука:

Источник обладает свойством: издает звук [презумпция]

: такой, как... [ассерция]

5. МЕТОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ, НЕ ПОРОЖДАЮЩИЕ НОВЫХ СЛОВАРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Участники ситуации издавания звука могут быть связаны отношением части и целого, что служит основой для метонимических замен. Известные примеры метонимии:

(1) Веселым треском / Трещит затопленная печь (Пушкин. «Зимнее утро»);

(2) *Стаканы* пенились и шипели беспрестанно. (Пушкин «Выстрел»)

Звук реально издает не печь (не стаканы), а находящиеся в ней – или составляющие ее часть – поленья (шампанское). Аналогичную трактовку можно предложить для (3), где (а) и (б) связаны как вместилище и содержимое:

(3) а. *Магнитофон* гудит; б. *Вся квартира* гудит (от этого магнитофона).

Глагол *гудеть* в (3б) имеет обычное значение процесса (с фоновым Каузатором), но за счет метонимического переноса: говорящий представляет квартиру как единый источник звука.

Обозначение Источника звука в примерах типа (1) – (3) подчиняется самым общим правилам метонимического переноса; так что эти употребления не требуют расширения набора словарных значений слов.

Сложнее, когда есть двое участников, из которых один часть другого:

(4) а. *На броненосце* грозно скрежетали *якорные канаты*;

б. *Броненосец* грозно скрежетал *якорными канатами*.

При переходе от (4а) к (4б) происходит метонимический сдвиг, который меняет коммуникативные ранги и семантические роли участников ситуации. Участник *броненосец* в (4б) допускает двоякую ролевую интерпретацию:

1) как расширенный Источник; звук представляется как исходящий не от канатов, а от броненосца в целом (*канаты* – место максимального сосредоточения звука); глагол *скрежетать* в этом случае употреблен в значении процесса, каузируемого извне – фоновым Каузатором;

2) как Каузатор, воздействующий на Источник звука; тогда у *скрежетать* значение процесс-каузация.

Таким образом, предложение (4б) неоднозначно. Контекст может усиливать различие между "трансформами"; так, в (5а) злобность приписывается мотору, а в (5б) – мотоциклу:

- (5) а. Неисправный мотор мотоцикла злобно *тархтел*;
- б. Мотоцикл злобно *тархтел* неисправным мотором.

Вторая трактовка для (4б), однако, предпочтительна; она поддерживается тем, что броненосец – транспортное средство, т.е. способен двигаться как бы самостоятельно. А части транспортных средств могут трактоваться как отдельные сущности, испытывающие каузацию со стороны Целого; например:

- (6) Экстренный поезд, *скрежеща* тормозами, остановился;
- Танки двигались к вокзалу, рыча моторами, *скрежеща* гусеницами.

Чем меньше каузативной способности у Субъекта, тем менее вероятна каузативная интерпретация глагола. Так, в (7б), где целое (лодка) не воздействует на часть (днище), значение глагола однозначно процессное:

- (7) а. Днище лодки скрежетало о камни; б. Лодка скрежетала днищем о камни.

При этом (7а) и (7б) почти синонимичны. Аналогичная синонимия в (8):

- (8) а. Острый конец весла задел подол ее платья;
- б. Весло задело своим острым концом подол ее платья.

В примере (9б) Субъект не может трактоваться как Каузатор (поскольку он неподвижен); но будучи Целым по отношению к Источнику-Части, он понимается как расширенный Источник, т.е. участник, вовлеченный в ситуацию в результате метонимического переноса. Глагол имеет значение процесса:

- (9) а. Ветки *деревьев* слабо звенели; б. *Деревья* слабо звенели ветками.

Аналогично в (10б):

- (10) а. Стремена конной статуи звенели;
- б. Конная статуя звенела стременами.

Возможности метонимического переноса зависят от типа участника. Так, предложение *Щелкнул затвор ружья* не трансформируется в *Ружье щелкнуло затвором*: с одной стороны, *ружье* не может быть Каузатором (не оно каузирует щелчок); с другой стороны, затвор слишком инструментален, чтобы быть просто местом щелчка.

Часть тела одушевленного субъекта может обозначать и отдельную сущность, испытывающую воздействие (тогда она трактуется как Источник, а субъект – как Каузатор), и просто часть, обозначение места. Отсюда возможность двоякого понимания (11б); *больной* может пониматься либо как Каузатор издаваемого звука, и тогда *зубы* – Источник, либо как расширенный Источник:

- (11) а. Зубы у *больного* скрежетали;
- б. *Больной* скрежетал зубами.

Интерпретация твор. падежа зависит и от семантики глагола. Так, в ситуации, обозначающей глаголом *свистеть*, как уже говорилось, звук издается не Инструментом, а

Местом; поэтому в (12) Субъект – расширенный Источник, а твор. падеж обозначает его активную часть, Место:

(12) Старик свистит *всей грудью*.

Из рассмотренных примеров видно, что так наз. трансформация расщепления – это метонимический (а иногда и метафорический) сдвиг, который никогда не сохраняет неизменным концепта ситуации. Если же Субъектом становится такой участник, со стороны которого можно допустить хотя бы частичный контроль над ситуацией, то значения трансформов просто разные; так, *Платье на красавице шелестело* ≠ *Красавица шелестела платьем* (пример из [Апресян 1974]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы пытались показать, что значение слова может быть представлено как парадигма лексем, порождаемая общими моделями семантической деривации. Понятие парадигмы дает возможность восстановить единство слова. Носитель языка не чувствует контекстно обусловленных сдвигов значения и регулярной многозначности – в значительной степени она является следствием несовершенства нашего способа представления смысла слова. На очереди дня стоит разработка такой структурной формулы слова, которая позволила бы предсказывать, как слово будет реагировать на контекст; какие семантические компоненты оно готово к себе присоединить и какие – отбросить; какими разными сторонами эта структура может поворачиваться так, что одни компоненты уходят в тень, а другие выступают на свет; как ее компоненты могут разворачиваться во временную последовательность, и т.д.

В нашей работе был предложен динамический подход к семантике слова – мы пытались выявить контексты, релевантные для значения слова, и проследить изменение исходного значения под влиянием контекста.

Контекстные сдвиги значения никогда нельзя полностью отразить в словаре; они постоянно происходят в тексте, и их надо описывать общими правилами. Различие между лексемами в парадигме семантической деривации описывается такими же модификациями толкования, какие происходят под влиянием текстового контекста.

В работе [Перцов 1996: 46] фраза *Все мы вышли из гоголевской «Шинели»* приводится как пример употребления, которое не находит себе места в списке Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995: 493], где для слова *выйти* предусмотрено 19 лексем. Пример Н.В. Перцова можно развить. Дело в том, что знаменитая фраза неоднозначна. С.Г. Бочаров [Бочаров 1985: 169] пишет о Достоевском, имея в виду его нарочитое подражание Гоголю, скорее всего, с целью отталкивания: "Новый писатель «выходит» из Гоголя... и в одном и в другом значении этой амбивалентной формулы". Ясно, что моделировать способность говорящих легко справляться с такими употреблениями слов может только "динамический" словарь, ср. [Pustejovsky 1998].

Динамическое устройство словаря имеет и другие преимущества перед перечнем значений. Инвентаризация семантических дериваций нужна не только для синхронной, но и для диахронической семантики: в ходе исторического развития языка происходят, вообще говоря, те же семантические переходы, которые мы наблюдаем в синхронии.

В синхронном плане на каждом шагу сталкиваются норма и живой процесс новообразования, при котором продолжают действовать те же механизмы, что и в законченных словарных значениях слова. При динамическом подходе вопрос о том, какие значения отражать в словаре, становится в чистом виде вопросом о норме, а не проблемой полноты описания*.

* Автор искренне благодарен коллегам, которые принимали участие в обсуждении работы, в том числе участникам Семинара под руководством Ю.Д. Апресяна в Институте проблем передачи информации, а также Анне А. Зализняк, Е.В. Рахилиной, М.В. Филипенко, Н.Р. Добрушиной, Н.М. Якубовой.

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. 1996 – О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Апресян Ю.Д. 1997 – Лингвистическая терминология Словаря // Ю.Д. Апресян и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997.
- Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. 1993 – Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Булыгина Т.В. 1980 – Грамматические и семантические категории и их связи. В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Зализняк А.А. 1967 – Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А.А. 1978 – Краткий русско-французский словарь. М., 1978.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. 1996 – К семантике русских причинных предлогов // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл (=) Текст". Ч. I. Семантика, синтаксис. М, 1974.
- Мельчук И.А., Жолковский А.К. 1984 – Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Мельчук И.А., Холодович А.А. 1970 – К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
- Кронгауз М.А. 1996 – Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1996.
- Кустова Г.И. 1994 – Глаголы изменения: процесс и наблюдатель // Научно-техническая информация. Серия 2. 1994. № 6.
- Кустова Г.И. 1995 – Импликативный потенциал значения и семантическая производность // ДИАЛОГ'1995.
- Кустова Г.И., Падучева Е.В. 1994 – Словарь как лексическая база данных // ВЯ. 1994. № 4.
- Падучева Е.В. 1997 – Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // Научно-техническая информация. Серия 2. 1997. № 1.
- Падучева Е.В., Розина Р.И. 1993 – Семантический класс глаголов полного охвата // ВЯ. 1993. № 3.
- Перцов Н.В. 1996 – О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. I. М., 1996.
- Урысон Е.В. 1995 – Ум I, разум, рассудок, интеллект // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.
- Урысон Е.В. 1996 – Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // ВЯ. 1996. № 4.
- Филипенко М.В. 1997 – Об иерархии характеристик в высказывании (к анализу адвербиалов – определителей процесса) // ВЯ. 1997. № 5.
- Шмелев Д.Н. 1964 – Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев Д.Н. 1966 – Об анализе семантической структуры слова. // Zeichen und System der Sprache. Bd. 3. Berlin, 1966.
- Шмелев Д.Н. 1973 – Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Щеглов Ю.К. 1964 – Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. № 8.
- Jackendoff R. 1993 – Semantic structures. Cambridge (Mass.). 1993.
- Mel'chuk I.A. 1988 – Semantic description of lexical units in an Explanatory Combinatorial Dictionary // International journal of lexicography. 1988. V. 1. № 3.
- Pustejovsky J. 1988 – Generativity and explanation in semantics // Linguistic inquiry. 1988.
- Wierzbicka A. 1980 – Lingua mentalis. Sydney, 1980.